

В момент поцелуя перед глазами Ван Цзиншаня внезапно возникла парящая полупрозрачная панель:

[Прогресс покорения Нечеловека 01: 1/3]

[Симпатия осьминога: +50]

Ван Цзиншань потрясённо замер.

«Это та самая карта? Погодите-ка... Значит, наш прогресс только начался?

Да ладно... Почему эта штука вылезла именно сейчас? Всю атмосферу испортила!»

Прикосновение мягких губ принесло с собой прохладу, словно влажная морская взвесь мгновенно накрыла его с головой. Ван Цзиншань тут же позабыл о внезапно возникшей панели, мешавшей моменту. Он подался вперёд, обнял Носка за затылок и углубил поцелуй.

Ему казалось, будто он целует нежный цветок, чьи лепестки робко дрожат от ветра. Бережно, со всей нежностью, на которую только был способен, он дарил Носку это прикосновение.

Ресницы Носка дрогнули, он удивлённо распахнул глаза.

— М-м...

Это было так странно. Все три его сердца бешено заколотились в груди.

— Закрой глаза, — прошептал Ван Цзиншань.

Носк послушно зажмурился, позволяя человеку делать с собой всё, что тому вздумается. Однако жар, исходивший от тела Цзиншаня, был настолько сильным, что у осьминога перехватило дыхание.

— Кха... кха... — Тяжело дыша, Носк крепче обхватил человека за талию. Его словно швыряло на гигантские волны: то он взлетал на самый гребень, то падал обратно, задыхаясь от нехватки воздуха на суше.

[Симпатия осьминога: +50]

[Симпатия осьминога: +100]

[Симпатия осьминога: +100]

[Симпатия осьминога: +100]

[W%*%#&... Ошибка системы: перегрузка сервера. Невозможно измерить уровень симпатии]

Ван Цзиншань и не подозревал, что в этот самый момент на другом конце Галактической сети огромная толпа зрителей наблюдает за ними в прямом эфире. Поток комментариев летел с безумной скоростью, а виртуальный экран пестрил спецэффектами из розовых пузырей и осыпающихся лепестков.

[Трансляцию игрока Ван Цзиншаня смотрят 120 миллионов человек. Поздравляем игрока Ван Цзиншаня с завоеванием титула «Лидер годового рейтинга просмотров»!]

[Зритель Etery дарит игроку Ван Цзиншаню ауру новичка: «Безнадёжно влюблённый»]**

— Он сам его поцеловал! А-а-а-а!

— Я выпал в осадок... [аба-аба]

— Боже, ну почему я так таю от этого невинного гигантского осьминога?!

— Офицер Ван, признай это: даже будь Носк гигантским осьминогом, ты бы всё равно в него влюбился...

Спустя какое-то время Ван Цзиншань почувствовал, что Носк дрожит. В его прекрасных, похожих на рубины глазах блестели слёзы. Он испуганно моргал, словно страхась чего-то неизбежного.

Ван Цзиншань заволновался и тут же отстранился.

— Что случилось? Тебе неприятно?

— Нет... — Носк мотнул головой. Его покрасневшие влажные глаза сейчас напоминали испуганного оленёнка, заблудившегося в чаще. Словно боясь, что его оттолкнут, он изо всех сил — так, что едва не задушил человека в объятиях — стиснул Цзиншаня и пролепетал дрожащим голосом: — Просто... это слишком хорошо.

Ван Цзиншань облегчённо выдохнул. Он ласково похлопал осьминога по спине.

— Ну и напугал же ты меня.

«Оказывается, целоваться — это так здорово. Неудивительно, что люди так любят это делать».

Однако следом Носка захлестнула волна отчаяния. Ему ведь пришлось сначала сделать дело, а теперь вся правда всплывёт наружу. Он запрыгнул в поезд без билета, и теперь человек наверняка его бросит.

— Ты... ты ведь не прогонишь меня? — жалобно спросил Носк, едва сдерживая слёзы.

— О чём ты вообще говоришь? — Ван Цзиншань покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать. — Стал бы я целовать тебя, если бы хотел прогнать?

— Хнык... Прости меня, — Носк принялся утирать слёзы, судорожно всхлипывая. — Я повёл себя как последний хулиган. Теперь ты думаешь, что я плохой... Таких глупых и гадких осьминогов никто не любит. Ты точно выбросишь меня, у-у-у...

— Постой, какой ещё хулиган? — окончательно запутался Ван Цзиншань.

Носк на мгновение затих и, подняв на него заплаканные глаза, прошептал:

— Ты... ты сам когда-то говорил, что у людей принято сначала встречаться, потом играть свадьбу... и только после этого заводить детей. А если пропустить всё это и сразу сделать ребёнка, то это называется бесчестьем и хулиганством...

Вот оно что. Теперь пазл сложился.

Стало ясно, почему Носк так неумело пытался ухаживать по человеческим правилам, и почему он так панически боялся признаться в беременности Ван Цзиншаня. Всё это из-за одной глупой фразы, которую офицер когда-то обронил невзначай!

Ван Цзиншаня охватило странное чувство — смесь смеха и лёгкого раздражения. Но больше всего его сердце таяло от нежности. Это было похоже на то, как если бы перед ним прыгал пушистый щенок, катилось мягкое облачко сладкой ваты или неуклюже ковылял весёлый медвежонок из детской сказки.

«До чего же он милый!»

— Глупыш, — Ван Цзиншань мягко стёр подушечкой пальца слезинку с его щеки и со вздохом добавил: — И что мне с тобой делать? Слушай, вообще-то это я тут забеременел от тебя, понимаешь?

— А? — Носк непонимающе захлопал ресницами.

— Я сам ещё до конца не осознал, что происходит, а в итоге должен тебя же и успокаивать... Ладно, сдаюсь, — Ван Цзиншань взял его прохладную ладонь и крепко переплёл свои пальцы с его.

Носк замер, не в силах пошевелиться от потрясения.

— Вот видишь, теперь мы официально встречаемся, — Ван Цзиншань свободной рукой взъерошил темные волосы осьминога. — У людей сейчас многие заводят детей до свадьбы. Главное — потом соблюсти все формальности, и тогда никто не назовёт это бесчестьем.

— Ты... ты правда хочешь со мной встречаться? — заикаясь, переспросил Носк.

— А что, не хочешь? — Ван Цзиншань притворился, что собирается отпустить его руку, но Носк испуганно вцепился в неё мёртвой хваткой, едва не выпустив из-под одежды свои настоящие щупальца.

— Хочу! Очень хочу! — Он мгновенно забыл про слёзы и просиял.

Теперь он официально встречался со своим любимым человеком.

На обратном пути они уже не просто держались за руки, а шли, крепко переплетая пальцы. Носк разглядывал тёплые жёлтые уличные фонари, и они казались ему огромными светящимися грибами. Прохожие на улицах улыбались, а из дверей лавок доносились аппетитные запахи еды, манящие и сладкие, словно лопающаяся на языке свежайшая икра. В темном небе сияли яркие звёзды, и Носку казалось, будто вокруг него один за другим взлетают невидимые праздничные салюты.

Из музыкального магазина лилась нежная мелодия. Носк шёл по мягкой брусчатке, и его ноги сами собой пускались в пляс. Впервые в жизни он подумал, что люди — просто замечательные существа. Лучше не придумаешь.

Да, они загрязняют океаны мусором и химикатами, безжалостно бьют китов и вылавливают рыбу тоннами... Но ради одного-единственного человека Носк решил, что постарается полюбить всё человечество. Например, для начала можно перестать забавы ради переворачивать щупальцами проплывающие мимо рыболовецкие шхуны.

На душе у него было легко и радостно.

— Хм-м... м-м-м... — Он негромко напевал под нос какую-то весёлую, лишённую мотива мелодию, впервые в жизни мечтая о том, чтобы эта тихая улица тянулась бесконечно, словно бескрайний океан.

— Послушай, — нарушил молчание Ван Цзиншань, — я забеременел из-за того, что съел твой гектокотиль?

Носк послушно кивнул.

Ван Цзиншань задумался. Насколько он знал из школьного курса биологии, осьминоги размножаются половым путём. Значит, та штука, которую он проглотил... была...

«Так, стоп. Лучше об этом не думать, а то выходит совсем неприлично».

Цзиншань постарался придать лицу максимально невозмутимый вид.

— Значит, мне теперь тоже предстоит вынашивать их девять месяцев, а потом рожать этих маленьких осьминогов?

Носк озадаченно почесал затылок:

— Если ты не хочешь их рожать, от них, наверное, можно избавиться.

Ван Цзиншань опешил.

— Но это же твои дети!

— Ничего страшного, — невозмутимо отозвался Носк. — Тебе просто нужно есть побольше соли. Она их убьёт.

Ван Цзиншань лишился дара речи от такой жестокости.

Для сородичей Носка размножение было лишь подчинением животному инстинкту: отложить кладку и забыть. Ни о какой заботе о потомстве речи не шло. Проще говоря, отцовских чувств к будущему выводку осьминог не испытывал. К тому же профессор Смит провёл ему операцию по удалению репродуктивной железы. Без неё стремление к продлению рода у любого осьминога падало практически до нуля.

Ван Цзиншань молча переваривал ледяное равнодушие новоиспечённого папаши.

— И всё-таки... откуда именно они появятся на свет? — нерешительно спросил он.

У него ведь не было ни матки, ни вообще каких-либо биологических приспособлений для родов.

— Понятия не имею, — честно признался Носк.

Для него это тоже был первый опыт, и генетическая память не содержала столь подробных инструкций. Самки его вида просто выпускали икринки из выводного протока, но как это должно работать у человека? В общем, допросить отца семейства оказалось делом бесполезным.

Ван Цзиншань вздохнул, подумав, что доктор Джек прояснил бы ситуацию куда лучше. Впрочем, сейчас это было уже не так важно. Будь что будет.

— У меня остался последний вопрос, — сказал он.

— Какой?

В тусклом свете уличного фонаря Ван Цзиншань повернулся к нему:

— Если бы ты не встретил меня... ты бы стал искать другого осьминога или человека для спаривания?

— Нет, — твёрдо ответил Носк. — Моё тело желает только тебя.

Столь прямолинейное признание заставило офицера вспыхнуть до кончиков ушей. Он попытался взять себя в руки, но сердце упрямо колотилось о рёбра.

«Ну кто так признаётся в любви...»

Но тут же он вспомнил, что Носк — не человек. У него не было ложного чувства стыда, он не знал человеческих условностей и зажатости в вопросах близости. Осьминогу не нужны были красивые ширмы, чтобы прикрыть свои чувства. Он говорил о страсти и любви открыто и просто, и в этой обезоруживающей честности крылась его особая, дикая смелость.

Ван Цзиншань принял решение: он родит этих малышей. В конце концов, это ведь просто икринки, да и детёныши у осьминогов рождаются совсем крошечными — много сил это забрать не должно.

— Я буду рожать, — объявил он.

Носк просиял. Его влажные рубиновые глаза уставились на человека с обожанием:

— Правда? Но если тебе страшно или неприятно, не заставляй себя.

— Глупости какие, никто меня не заставляет. Это мой выбор. Как-никак, там больше десятка живых душ, — Ван Цзиншань ласково потрепал его по голове.

— А... а если бы кто-то другой обошёлся с тобой так же бесчестно, ты бы тоже согласился выносить его детей? — вдруг тихо и ревниво спросил Носк.

— Конечно нет! — Ван Цзиншань закатил глаза. — Я согласен только на твоих малышей. Думаешь, вынашивать потомство — это так просто? Если бы я тебя не любил, ни за что бы не подписался на такое.

— Ты... любишь меня? — Носк застыл на месте, напоминая забавного растерянного пингвина.

— А как иначе? — беззлобно буркнул Ван Цзиншань. — Стал бы я заводить с тобой отношения, если бы ты мне не нравился?

— Я тоже тебя люблю! — выпалил Носк и, вспомнив какую-то красивую фразу из фильма, поспешно добавил: — Я люблю тебя, Цзиншань. Всем сердцем.

— Ну, не преувеличивай, — улыбнулся Ван Цзиншань.

Всплывшее уведомление о том, что прогресс завершён лишь на треть, всё ещё оставляло лёгкий укол ревности в груди. Он невольно подумал, что, возможно, чувства Носка пока не так глубоки, какими кажутся. Впрочем, это было не важно. Глупо требовать от гигантского осьминога понимания всех тонкостей человеческой любви. Ничего, он проявит великодушие и научит его сам.

— Я не преувеличиваю, — Носк серьёзно развёл руками, пытаясь показать размер. — Мне кажется, я не выразил и десятой части того, что чувствую.

— Вот как? — усмехнулся Ван Цзиншань. — И где же прячутся остальные девять десятых?

— В моих сердцах, — Носк с гордостью похлопал себя по груди. — У меня их целых три, и в каждом хранится своя, особенная любовь к тебе. Если хочешь, я могу вынуть их и показать!

Представив, как гигантский осьминог вырывает из груди три бьющихся сердца, заливая всё вокруг синей кровью, Ван Цзиншань невольно поморщился.

— Верю на слово, — он притянул Носка к себе и обнял, тихо выдыхая пары алкоголя. — Верю, что там очень много любви. Доставать ничего не нужно.

Кажется, алкоголь окончательно ударил ему в голову. Перед тем как пойти в отель, он под предлогом покупки воды забежал в круглосуточный магазинчик и незаметно прихватил с

полки небольшую коробочку, которую тут же спрятал в карман. Конечно, замышлять подобное против невинного осьминога казалось почти преступлением, но предосторожность никогда не бывает лишней. Он уже мысленно распланировал их ночь: сдвинуть вместе две двуспальные кровати, чтобы Носку было просторнее ворочаться во сне.

Но стоило им переступить порог номера, как Носк уверенно направился в ванную комнату и забрался прямо в чугунную купель. Похоже, именно её он счёл наиболее подходящим ложем.

Хмельной офицер попытался ослабить галстук, но узел затянулся только крепче. Цзиншань раздражённо выдохнул. Опустив руку в карман брюк, он наткнулся пальцами на злополучную коробочку и тут же отдёргнул руку, словно обжёгся.

— Носк, — позвал он.

— М-м? — Видимо, выпитое вино подействовало и на осьминога — едва оказавшись в ванне, он почувствовал непреодолимую сонливость. Еле приоткрыв веки, он сонно пробормотал: — Глаза слипаются... Я спать хочу.

— Ты собираешься спать здесь? — уточнил Ван Цзиншань.

— Да, — Носк свернулся калачиком на дне пустой чаши. — Без солёной воды мне никак не уснуть.

— Ладно.

Ван Цзиншань повернул кран. Холодная вода с шумом устремилась вниз, быстро заполняя резервуар. Он отыскал на полочке несколько пакетиков с бесплатной морской солью, надорвал их и высыпал в воду.

— Как соль? Достаточно?

Носк слабо кивнул:

— В самый раз.

Сон клонил его с такой силой, что он едва соображал. И всё же, сделав над собой усилие, он приоткрыл один глаз и тихо позвал:

— Ложись со мной... места хватит.

— Но я... — Вообще-то человеку вредно долго лежать в холодной солёной воде. Но когда Носк

смотрел на него так, Ван Цзиншань просто не мог отказать.

Стоило ему начать стягивать брюки, как из кармана с тихим шорохом вывалилась и покатилась по кафелю яркая разноцветная пачка. Левая рука Носка мгновенно удлинилась, превратившись в гибкое щупальце, и ловко подхватила коробочку.

От любопытства сон у осьминога немного отступил. Он принялся с интересом разглядывать незнакомый предмет.

— Цзиншань, а что это за штука?

У экранов по ту сторону сети зрители буквально взревели от предвкушения:

— А-а-а! Наконец-то погорячее пошло!

— Офицер Ван — мужик! Сам беременный, а всё туда же — планирует взять инициативу в свои руки!

— Да забудьте, наш Носк — эталонный чистый романтик, тут без шансов.

Ван Цзиншаня мгновенно обдало холодным потом, остатки хмеля как ветром сдуло. Лицо его вспыхнуло пунцовым пламенем.

«Господи... чем я вообще занимаюсь?!»

Он точно сошёл с ума. Как он мог подумать о подобном? Носк ведь такой доверчивый и чистый. Ван Цзиншань резко выхватил коробочку из присосок щупальца и торопливо швырнул её в открытую форточку ванной, избавляясь от улики.

— Ничего особенного, — шумно выдохнул он.

Развернувшись, он торопливо покинул ванную комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

Носк приподнялся, цепляясь краем присосок за бортик ванны, и озадаченно склонил голову набок. Он никак не мог понять, почему человек так внезапно сбежал.

— Спи, Носк. Увидимся завтра, — донёсся из-за двери приглушённый, хриловатый голос Ван Цзиншаня, в котором сквозило явное напряжение.